

Глава 4. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

И. А. Ерохов

Глава посвящена проблеме осмысления Русской социальной революции 1917 г. Работа выполнена в жанре политфилософского эссе. Автор предлагает взглянуть на историю Русской революции под углом идеологического метода, краткий набросок которого представлен во вводной части работы. История революции преподнесена как часть истории революционной партии и ее идеологии, поэтому повествовательный формат работы носит выраженный идеологический характер. Глава состоит из пяти смысловых разделов. Во вводной и первой частях раскрывается представление о революции как об идеализированном компоненте революционной идеологии. Автор раскрывает свое представление о Русской революции как о подлинной социальной революции, которая привела к радикальной модификации общественной формы России. Также в первой части формулируются базовые для работы методологические определения идеологии и революции. Во второй части главы автор излагает сходства и отличия идеологических контекстов революций Нового времени и современности. Также в главе предлагается оригинальная интерпретация места и значения идеологии русских революционеров среди революционных идеологий всего периода революций. В третьей части работы автор затрагивает проблемы спонтанных и организованных причин революции в России, делая акцент на том, что вступление Российской империи в Первую мировую войну создало социальные условия, приблизившие революцию в России. В четвертой части работы анализируется феномен идеологии русских

революционеров. В пятой части обосновывается отношение автора к большевистской партии как партии профессиональных заговорщиков-нелегалов, которые лишь по стечению обстоятельств смогли захватить власть в России в октябре 1917 г. Однако победа в развязанной ими в 1918 г. Гражданской войне сделала необратимой социальную трансформацию России.

Ключевые слова: *Русская революция, социальная революция, идеология, идеологический метод, партия, большевики, история, политика, политическая философия, общественное сознание, идеализация, восстание, власть.*

Что означает разговор о Русской революции как об «идеальной»? Прежде всего ясность ее политических смыслов и очевидность исторических траекторий ее идей. Сейчас Русская революция представляется чем-то более определенным, чем она виделась самим революционерам. Причина подобной «ясности» кроется в идеологической природе современной политической рефлексии. Идеология мыслит революцию как нечто наглядное, воспринимает ее как рельефный образ.

Идеализация политических практик – явление строго ненаучное. Она является методом идеологических программ, функцией убеждений и ангажемента. Политическая наука часто сталкивается с подобными эффектами, например, когда мы определяем *демократию как правление народа*. Подобное идеализированное определение не проясняет предмет в его многообразии, а точно определяет историко-идеологические координаты (социальную эпоху) автора высказывания.

Уточню, идеализация – это лаконичная, ясная артикуляция содержания актуального ядра политической идеи. Например, если мы можем сегодня сказать, что либерализм – это идеология свободы, консерватизм – порядка, а социализм – справедливости, то мы имеем дело с идеализацией.

Какие возможности открывает идеализация революции для идеолога? Прежде всего она позволяет в обход методов социальных наук схватить генезис политической идеи в ее свободе от предметного контекста. Идеология «отпускает идею на волю», то есть превращает ее в понятие, свободное от своего предмета. Данная логика целиком определяет любую идеологию. Понятие,

однажды совпавшее со своим социальным предметом, превращается идеологом в историческое правило, которое он распространяет на любые общественные отношения, контексты, эпохи, времена. Это позволяет использовать идею как инструмент идейного ангажмента.

Идеология псевдоонтологизирует идеи, подключает их к социальному времени и политическому пространству. Она придает идеям временной ритм и темп, то есть задает скорость развития событий и определяет длительность революции как события, маркирующего период времени (историю революции). Идеологическое представление о революции как бы «идейно намагничивает» окружающее социальное пространство, переопределяет его элементы и раскрашивает их в свои «мобилизующие цвета».

Идеология в обход реального социального и исторического поля отношений перекраивает политическую историю по агонистическому фасону революции. Идеолог определяет этапы «вызревания революционных идей», периоды «нарастания борьбы» и т. п. В результате идеализированная история Русской социальной революции превращается в заряженный век политической борьбы революционных сил с самодержавной властью в Российской империи. Специфика времени трансформируется идеологией в опоры идеологического изложения, подчиненного логике обоснования исторического значения конкретного восстания.

Если мы можем схватить (в мышлении) историческую эпоху через «идею фикс» революции, то прояснение истории политической борьбы в контексте определенного периода времени становится делом чистой идеологии.

* * *

Чистая идеология – это такой уровень политической ангажированности, на котором (в общественном сознании) нивелируются все различия между частными социальными перспективами и всеобщим политическим развитием. Чистая идеология как бы оккупирует время, заполняет его своими идеями и подчиняет эпоху своим целям. Идеология наделяет единым смыслом ход политической истории. Чистая идеология создает общественные константы своей гегемонии, такие как «авангард», «движущая сила», «смысл и назначение эпохи» и т. п. Например, политическое Просвещение, идеология Нового времени или политическая современность то-

тально пропитаны подобными константами: «прогресс», «знание», «рациональность», «общество», «всеобщая воля», «общественный договор» и т. д.

Конечно, в разговоре об «идее фикс» революционной эпохи подразумевается не только банальная борьба за власть. Перефразируя Мишеля Фуко, скажем, что революционная идеология является таким порядком слов, который способен изменить весь порядок вещей.

«Чистая идеология», или, как ее называл К. Манхейм, «тотальная идеология» (Манхейм 1994: 46), ставит целью не просто политический переворот: захват власти оппозицией подразумевается как одна из задач, однако цель тотальной идеологии – социальная революция. То есть результатом «чистой идеологии» станет, говоря марксистским языком, изменение всего характера производства. Идеальная революция приводит не просто к изменению отношений людей, постановке новых целей и возникновению иных интересов, но ведет к изменению законов социальной вселенной – к политической модификации «физики» вещей. Как мог бы сказать Манхейм, идеальная революции создает новое «онтологическое единство мира». Конечно, такое единство скрепляется исключительно идеологическим клеем.

Примерами результатов подлинно социальных революций могут служить появившиеся в XIX в. национальные государства или индустриальные государства XX в. Другими словами, настоящая социальная революция – это всегда появление нового содержания всеобщего интереса, воли или договора, выражающих (репрезентирующих) новую общественную форму. Это социально-политический модус совершенно иной страны или альтернативно-революционного государства, как назовет, например, Советскую Россию Э. Хобсбаум (2004: 41).

Очевидно, что подобные исторические переломы по плечу только колоссальной силе, воодушевленной революционными идеями. Революции совершают заряженные идеологией массы, однако восстания поднимают исключительно решительные ее политические отряды – революционеры. Наиболее организованная и активная часть оппозиции – партия, а революционная партия – это организационный аппарат (автономный штаб) радикальной части оппозиции, главной целью которого является силовой захват власти.

Если целью партии становится революция, то мы уже не вправе называть утопией политическую программу революционеров. Готовность к вооруженному столкновению с властью превращает революционеров в альтернативную власть: в силу, заряженную идеологией революции. История революционной борьбы – это конструирование альтернативной эпохи, которая рождается в самой борьбе. Будущее такой истории – Новый мир.

* * *

Пока политические перемены были замкнуты в информационно непроницаемых средневековых королевствах, идеализация мечты о социальных переменах (и революции как их инструмента) протекала медленно. Однако капитализм – его обмен и торговля – ускорили этот процесс. Идея революции, двигаясь от витка к витку политических событий, начала интенсивно обращаться в общественном сознании. Политически намагничиваясь, революция превращалась в нечто все более оформленное: в осязаемую мечту.

Например, Английская революция еще не мыслила себя революцией, она полагала себя исправлением нарушенного порядка, возвращением к утраченной подлинности отношений, восстановлением «старых английских вольностей» – прав и свобод. Американская революция уже отчетливо идентифицировала себя как политический проект новой нации. Французская революция совершенно не сомневалась на свой счет – она была рубежом нового мира, то есть окончательным разрывом с социальной традицией «старого режима». Решив вопросы политической власти, отменив старое государство, французские революционеры перекроили социальную жизнь. Полностью изменился уклад, и в результате появилось новое (буржуазное) государство. Русская революция и Советская Россия явились первым историческим продуктом чисто революционной идеологии. Радиация революционной идеологии начала проникать в умы задолго до первых событий. Именно революционное сознание породило первые поколения профессиональных революционеров.

Русские революционеры впитали в себя антагонизм идеологии классового конфликта как бинарную пару антитетичных перспектив. Революционеры понимали революцию как инструмент решительного уничтожения своих оппонентов. Максимализм (большевизм) революционной стратегии не нуждался в раскрытии, прояс-

нении или уточнении. Цели были открыто заявлены, а политическая война объявлена. Революция стала инструментом решения социальных проблем в модусе «мы или они».

Английскую революцию совершили те, кто считал себя обманутыми, а свои права – незаконно поправными. Американские колонисты восстали против метрополии в значительной мере ради коммерческой выгоды. Французы сочли себя ограбленными налогами аристократов. Русские революционеры противостояли смертельной для них опасности – явной угрозе, исходившей от царского правительства. Идеологический детерминизм Русской революции сложился задолго до событий Октября 1917 г. Опасность, исходившая от режима, породила бескомпромиссный ответный террор.

Революция в России (до появления профессиональных революционеров) никогда не была ментальной целью. Ее заимствованную идею использовали различные силы, чтобы приблизить свой политический идеал – утопию будущего. Вероятно, поэтому в России было так много разных революций, восстаний, бунтов, которые впоследствии с помощью идеологических приемов были встроены победителями в единый натиск эпохи революционной борьбы.

С идеологической точки зрения «эпоха революции» состоит в развертывании представления о борьбе как о программе действий, вбирающих в себя множество освободительных импульсов. Русская революция действительно итожит весь объем социальных толчков, однако в единую эпоху революция собирается не своим разнообразным прошлым, а своим единственным будущим.

Прошлое – ненадежный базис для идеологии революции. Политическая история легко разрушается при критическом взгляде. Декабристы никогда не приняли бы дикостей социального переворота – они были «благородными сынами Просвещения». А. И. Герцен – изобретатель политической оппозиции в России – никогда не согласился бы со строго насильственной повесткой революции. Взаимный террор власти и оппозиции полностью ломал его идею «русского социализма». Оказавшись свидетелем французских событий 1848–1849 гг., Герцен уже никогда более не мог думать о революции без содрогания. Герцен искал гражданский мир до восстания как способ его (восстания) предотвращения, а большевики мечтали о классовом мире, то есть о мире после решительной победы над своими политическими врагами.

Однако без истории политического противостояния в России не появилась бы профессиональная политическая оппозиция. Конфликт частных интересов был и будет всегда, но политическая философия противостояния как борьба идей – явление особенное. Именно в горниле идейной борьбы создавался политический инструмент социального перелома – Русская революция. Я позволю себе думать, что «якобинскому духу», или, по-другому, революционной одержимости большевиков, было совершенно не принципиально, каков будет социальный состав восстания. Будет ли Русская революция буржуазной, крестьянской или пролетарской – это не имело существенного значения для восстания против власти. Большевиков в 1917 г. возглавлял немногочисленный отряд мало известных в России политических эмигрантов¹. Для В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Я. М. Свердлова захват власти оказался феноменом не политическим, а тактическим – военной хитростью.

Школьный марксизм плехановского толка твердил о незрелости русской буржуазии и пролетариата – главных революционных сил истории, что, безусловно, соответствовало марксистской теории. Однако события 1905–1907 гг. сильно отрезвили пролетарские иллюзии практического (большевистского) марксизма. Ленин уже никогда не будет заблуждаться насчет силы рабочего движения в России. Он понял, что в аграрной стране социальный перелом способно осуществить только крестьянство².

Однако не инертное и патриархальное русское крестьянство, а измененное, превращенное в подвижную социальную народную силу, одержимую духом борьбы. Но как сорвать крестьян с мест, вооружить и направить против царской власти? Даже самые оторванные от жизни вымыслы не рисовали сколько-нибудь ясную картину крестьянского восстания в эпохе зарождающегося капитализма. То есть при таком общественном модусе, который открывал мирные – рыночные – способы самореализации для самой многочисленной социальной силы страны.

¹ Например, Перри Андерсон в этом обстоятельстве усматривал условие создания подлинной идеологии революции. «Революционную теорию можно разрабатывать в относительной изоляции», как К. Маркс – в Лондоне, а В. И. Ленин – в Цюрихе (Андерсон 1991: 117).

² «Угнетенное крестьянство – главная сила революции» (Бродель 2008: 524).

И вот совершенно непредсказуемо то, чего не могли сделать сами большевики, сделал за них их злейший враг – царское правительство. Именно правительство объявило мобилизацию и войну. Оторвав миллионы крестьян от земли, власть сама вложила в их руки оружие и сколотила из них боевые полки, а затем отправила людей погибать на фронтах мировой бойни.

Большей «услуги» делу революции представить было невозможно. Правительство само подготовило революционную армию. Бессмысленная военная мясорубка, оторванность вчерашних крестьян от семей и уклада превратили солдат и матросов в идеальный объект для пропаганды революции.

Несмотря на то, что революция в России оказалась солдатской и матросской, ее душа всегда оставалась крестьянской. Однако, повторю, для революции как идеального инструмента социального перелома не имеет значения, какая она по своей социологии – пролетарская или буржуазная. *Революция создает новую идентичность – революционную.*

* * *

Успех вооруженного восстания в октябре 1917 г. квалифицируется как историческая победа только в тотальности революционной идеологии. То есть революция – это этап политической истории той силы, которая смогла захватить власть. Однако было бы ошибочным считать, что революция – это результат только планируемых действий организованных сил. В разворачивающихся событиях революции роль непрогнозируемых факторов имела существенно большее значение, чем влияние контролируемых действий. Это обобщение мне представляется справедливым не только для разговора о Русской революции; достаточно вспомнить, с каким удивлением Камиль Демулен воспринял совершенно неожиданное предложение Версаля о переговорах, которое фактически превращало его в первого легитимного вождя Французской революции.

Я крайне далек от мистификации политических событий и к непрогнозируемым факторам отношу исключительно разлитые по всему социальному полю поведенческие спонтанности, вызванные бытийным напряжением сложившихся накануне Русской революции условий жизни. Ни историческая ментальность, ни культурные особенности народов Российской империи не имели решающего

значения для поведенческих метаморфоз, происходивших с людьми в чрезвычайных условиях тех лет. Крестьянская реформа и слом быта, зарождающийся капитализм, бессмысленные войны, организационный абсурд правительства, восстания, бунты, взаимный террор – катастрофа нарастала как снежный ком.

Немаловажную роль сыграл приобретенный радикализм мышления будущих вождей революции. Некогда отвергнутое и жестоко подавленное открытое стремление к социальным реформам, не нашедшее легальных (демократических) путей к власти в стране, видоизменило идеологию русского социализма, превратив ее в революционный коммунизм. Тупик легальности породил новое поколение решительных оппозиционеров, которые сразу двинулись силовым путем к власти. «Большевики сделали из этого анализа решающий вывод: Россия никогда не станет социалистической без восстания» (Валлерстайн 2001: 375).

Маска пролетарского интереса революционеров на самом деле могла скрывать под собой сжатые пружины психологических комплексов, подавленных жесткостью режима, нереализованные реформистские цели будущих лидеров революционного движения. По сути, они возглавили социально далекие от них и по духу, и по уровню образования народные массы. Этим «социальным овнешнением» сознания лидеров революции можно объяснить не только жестокость к врагам революции, но и необъяснимую жесткость к соратникам и попутчикам революции³.

«Революционная ментальность» превращает человека в того, с кем он сам никогда не был знаком ранее. Революционеры – это люди, которые в поступках раскрывают неведомые стороны своей мутировавшей личности. Эффекты подобной революционной модификации человека обнаруживались всегда, когда люди оказывались перед лицом своей революции.

Русскую социальную революцию определили не планы или организованные действия, не даже фортуна, покровительствующая

³ О. Шпенглер радикализировал эту мысль, назвав большевиков псевдоморфозом России; они не народ, не даже часть его: чуждый, западный и непризнанный слой, полный ненависти (Шпенглер 2014: 654). Однако, например, Ж. Сорель, наоборот, полагал, что «хотя Ленин долго жил за пределами России, он остался подлинным москвитом... Россия терпеливо переносит большие страдания, потому что чувствует, что ею, наконец, правит подлинный москвит» (Сорель 2013: 275).

одним и оставившая других. Рискну предположить, что на фоне царящего хаоса на Октябрьскую революцию как монументальное событие в истории не только России, но и всего мира никто из современников даже не обратил должного внимания – это было очередное чрезвычайное событие революционного года.

Главной причиной перелома многовековой истории России явилась неопределенность, в которой оказалась страна. Неясность перспектив повлияла на победу в существенно большей степени, чем нечто определенное. Именно поэтому я могу сделать вывод о продуктивности идеологического взгляда на революцию, поскольку не существует другого инструмента для прояснения социальной неопределенности, кроме идеологии. Идеология в самом абстрактном смысле – это простейший и эффективнейший способ прояснения (огромным массам людей) общественных неопределенностей. И конечно, нужно понимать, что идеология никогда не обременяла себя вопросом об истине.

Прямая противоположность идеологии – наука как корпус проверяемого знания – могла бы сделать более прогнозируемым поведение людей в условиях чрезвычайных ситуаций, но знание проникает в поведение через образование, а круг его носителей всегда очень узок. Поэтому именно идеология на безальтернативной основе создала историю, которой никогда не было, – историю революции.

В охваченной социальным хаосом России завязалось и проросло множество идеологических перспектив. Однако принципиальным, на мой взгляд, является то, что на каждом из революционных полюсов выкристаллизовывалась своя непримиримая тотальная политика – идеология, основанная на принципах революционной бескомпромиссности. Революционная борьба тех лет перешагнула политические границы, установившиеся в предыдущие эпохи. Она стала тотально-всеобщей борьбой всех сил сразу за все. Именно столкновение тотальных сил и породит впоследствии то общественное явление, которое политологи называют тоталитаризмом.

Поясню свою мысль. Например, пространственная организация революционного собрания 1789 г., французских Генеральных штатов, спонтанно предопределила универсальную модель спектра идеологических сил: правых, левых и центристов. Эта структурная

метафора XIX в. – «века великих идеологий» – и поныне систематизирует в общественном сознании парламентское разнообразие.

Политическая констелляция общественных сил революционной России открыла структурный принцип «века тотальной политики»⁴, века эпохи масштабных социальных экспериментов – XX века, в котором политика насквозь пропитала всю ткань социального. Политический тоталитаризм явился следствием социально аннигилирующих, идейно антагонистических, тотальных идеологий.

В 1917 г. начался «короткий век» тотальной нетерпимости к политическим альтернативам, по сути – к любой оппозиции. Возможно, причины этого глубже: мировая война породила мировую гражданскую войну. Но в любом случае тоталитаризм – результат взаимного изоморфизма революционного террора. Неважно, говорим ли мы о красных-левых или белых-правых, поскольку «неоякобинизм большевиков» (Андерсон 1991: 126) был не в большей мере политическим максимализмом, чем, например, нетерпимость казаков или черносотенцев. В этом смысле какая бы идеология ни возобладавала в гипотетическом будущем пореволюционной России, она в любом случае была бы удручающей для представлений о политическом многообразии и свободе.

* * *

Тотальная политика – следствие революционной идеологии. Однако почему именно большевикам удалось выйти историческими победителями из политического противостояния начала XX в.? Простым ответом может послужить предположение о том, что победу большевистской версии революции обеспечило их идеологическое преимущество.

Однако этот ответ кажется подходящим только на первый взгляд, поскольку объективно доказать компаративное превосходство большевистской идеологии над другими идеологиями тех лет не представляется возможным – по причине необъективности лю-

⁴ После XIX века смотреть на XX век как на «век идеологий» означает видеть за эпохой только борьбу разных версий тоталитаризма (см.: Хабермас 2005: 215, 216). «Это столетие, начавшись в 1917-м и завершаясь в конце семидесятых, <...> не является веком “идеологии”, “воображаемого”, или “утопий” <...> Его субъективное определение – по сути ленинское. Это страсть реального, того, что непосредственно доступно практике» (Бадью 2004: 76).

бого «объективного метода» сравнения идеологий. Другими словами, для того чтобы обосновать превосходство идеологии большевиков над другими идеологиями, аналитику нужно принять большевистскую точку зрения на социально-политическую историю России, что немедленно превратит любой анализ революции в пропаганду идеологии большевизма⁵.

Существенным продвижением в данном вопросе, как мне представляется, будет идеологическая релятивизация политической истории. Что, если представить Октябрь 1917 г. как продукт идеологической изобретательности? Большевики создали идеологический миф великой победы своей революции⁶. Они превратили успех своего эпизода в череде петроградских восстаний 1917 г. в революционную легенду, а в царившем тогда хаосе любая идеологическая наживка могла быть проглочена массой. Забегая несколько вперед, скажу, что «благодаря» Гражданской войне победа большевистской революции перестала быть только идеологическим приемом. Гражданская война сделала Октябрь 1917 г. мировым событием.

Идеология большевиков преподнесла революцию как исключительно свою стратегию, их оппоненты (многие, кстати, совершенно осознанно как противники большевиков) автоматически превратились в контрреволюционеров. Пока силы (антибольшевистской) контрреволюции апеллировали к политической идентичности народа уже несуществующей страны, предлагая сложные проекты спасения, воссоздания или возрождения обвалившейся империи, революционеры предложили простую стратегию нового мира, в которой все проблемы (неопределенности) старой жизни решались одним махом. Большевистская революция (уже на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов) провозгласила себя «Миром, Хлебом и Землей», идеологически удовлетворив три главных ожидания народа.

Идеологическая хитрость большевиков заключалась в том, что массам они подарили простую уверенность в реальности револю-

⁵ В этом смысле весьма показательна книга И. Пантина «Русская революция...» (Пантин 2015), рецензия на которую была опубликована журналом «Полис. Политические исследования» (см.: Ерохов 2016: 159–172).

⁶ Кристофер Флад, ссылаясь на Грэма Джилла, также полагает, что произошла мифологизация истории революции вокруг персонализации Ленина, партии и пролетариата (Флад 2004: 49).

ционного будущего. Недавнее (дореволюционное) прошлое предстало вымыслом снов эксплуатации, от иллюзий которых народ пробудила революция большевиков. Иными словами, контрреволюция-де предлагала утопию постбольшевистского будущего, а большевики превратили в утопию дореволюционное прошлое, сжигая в народном сознании мосты возврата к старому режиму⁷.

Все антибольшевистские проекты превратились в контрреволюционную блажь будущего: о победе в войне, о справедливом правителе, о свободе. Контрреволюция и антибольшевистские революционеры отчаянно пытались мобилизовать народ, который уже год как находился в революционном похмелье. Большевики, наоборот, предложили распустить армию и отобрать у помещиков землю, даровав народу свободу от обязательств перед старым миром.

Власть Советов и руководящая партия были настолько новыми и необычными явлениями в сознании масс, что воспринимались ими как находчивое и простое решение вечной политической проблемы поиска справедливого правителя. Какой бы радикальной ни была политическая поляризация в российском обществе, даже самое дремучее сознание понимало, что партия – это коллегия, а не единоличное правление.

Большевистская уловка быстро раскрылась. Начались крестьянские бунты и новые восстания, которые привели к Гражданской войне в России. Полагаю, что здесь можно уже с уверенностью утверждать, что в отличие от хаоса революционных инсценировок в Гражданской войне большевики действовали эффективнее, чем любая другая сила того времени. В отличие от оппонентов, которые для рекрутирования сил обращались к уставшему от политической мобилизации народу, большевики апеллировали к партии, бедноте и дезертирам.

Партия большевиков – профессиональная мобильная сила, которая была закалена десятилетиями подполья, политических стачек

⁷ У Бориса Капустина есть глубокое рассуждение о «новых» утопиях, порожденных революциями, которые транспонируют географическое «нигде» «старых» утопий в историю, вследствие чего «старые» утопии обретают значение «нигде сейчас». Это позволяет саму «невероятность сейчас» использовать как оружие в борьбе против политического статус-кво, то есть в интересах революции (Капустин 2010: 40, 41).

и вооруженной борьбы. После событий 1905–1907 гг. большевики поняли главное: в борьбе за власть побеждают не лозунги и демагогия, а организованные боевики – профессиональные революционеры, которые способны переступить через закон и с помощью оружия захватить власть⁸.

Гражданская война – катастрофа России, но именно она стала условием победы большевистской революции (Голдстоун 2015: 109), поскольку единственной внутривластной армией того времени была партия большевиков, которой нужно было только время, чтобы справиться с сопротивлением и установить тотальную власть в стране.

* * *

Как уже отмечалось выше, прямыми организаторами политического переворота в России выступили революционные партии как наиболее организованные части широкого оппозиционного движения. Однако почему пролетарская революция оказалась частью программы именно партии большевиков – номинально рабочей партии, которая на протяжении всей своей истории давала примеры радикальной ревизии и прямой отмены постулатов марксистской доктрины?

В. И. Ленин за десятилетия до Октября ставит перед партией задачу вооруженного захвата власти. Как пишет А. Камю, заимствует Ленин эту мысль у П. Н. Ткачева, а не у К. Маркса (Камю 1990: 252). Маркс в «Манифесте» прямо указывает на то, что «коммунисты не являются особой партией... У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение» (Маркс, Энгельс 1955: 437). По Марксу, суть коммунистической партии заключается в ее содействии пролетариату, чье историческое движение само олицетворяет естественный ход общественного развития. Ни о какой самостоятельной роли в управлении пролетариатом и тем более ни о какой организации захвата власти в интересах какой-либо особенной политической группы лиц у Маркса речи не велось.

⁸ Уже раскол РСДРП на съезде в Лондоне ясно показал, что партия стала военной машиной (Бродель 2008: 524).

Можно привести множество примеров прямого расхождения между программой большевиков и доктриной Маркса, поэтому мне представляется неверным спустя сто лет продолжать называть партию большевиков марксистской. Партия большевиков всегда была прежде всего профессиональной революционной партией нелегалов и политических заговорщиков. Большевики – это партия революционной политической богемы, если использовать термин Ханны Арендт⁹.

Я намеренно опускаю здесь рассуждения о социально-философских противоречиях идей Маркса и лидеров большевистской партии – эта тема требует отдельной работы. Наибольший интерес, как мне кажется, представляет вопрос о том, как партия, центрированная на политической оси революции, превратила один из эпизодов своей хаотичной хронологии в явление всемирно-исторического масштаба.

Полагаю, что опять всему причиной идеология как модус специфической практики общественного сознания. Повторюсь, здесь я не имею в виду превосходство идеологии большевиков над другими идеологиями; меня прежде всего интересует функционирование самой идеологии как метода, который столь рельефно проявился в поступках и действиях большевиков.

Почему это важно? Потому что если в политике идеология оказалась эффективнее доводов разума с его опорой на рассудительность и доказательные аргументы, то такая гипотеза проблематизирует не только современное знание о политической истории тех лет. Проблематизируется вся социально-политическая история XX в., поскольку оказывается невозможным отделить знание о политической эпохе от политической идеологии, присущей общественным силам данной эпохи.

Если в качестве субъекта истории выступает тотально идеологизированный актер (революционная партия), то что принимать за объективное знание о явлении (Русской революции): призрачную сцепленность ускользающих от (объективной) верификации фактов или мощнейший идеологический нарратив, повествующий о траекториях движения политических идей как истории борьбы революционной партии? Чтобы ответить на вопрос о значении идеологии

⁹ Оговорюсь, что Ханна Арендт использовала данный термин в совершенно ином политическом контексте (Арендт 1996: 422).

в истории Русской революции, необходимо его радикализировать, то есть разобраться в том, что означает мыслить революцию партийно (частично).

В отличие от эмпирической истории идеологическая история Русской революции скреплена не иллюзорным клеем причинно-следственной хронологии фактов, ее цельность обеспечена работой идеологии политического проекта. Верификация идеологического знания производится не за счет количественного подтверждения той или иной повторяющейся и воспроизводимой закономерности. Результативность политической практики определяется уникальным методом наращивания особого качества политической силы, которая оказалась способна, начиная с первых своих шагов до переворота и, далее, заканчивая социальной революцией, продемонстрировать непоколебимую решимость в преобразовании всеобщих человеческих целей, придав им свои целиком идеологизированные смыслы. Партийный способ революционного мышления – это идеологически организованный (аппаратом партии) механизм диктатуры партийной программы над всеобщим общественным сознанием, включая его историческую составляющую. Как выразится А. Грамши, «они (большевики. – *И. Е.*) сумели спаять коммунистическую доктрину с коллективным сознанием русского народа» (Грамши 1960: 19).

История революции, являясь продуктом революционной идеологии, была реконструирована в историю победившей революционной партии. В этой партийной истории революция и ее предпосылки выступили эмбриональной фазой, а затем идеологическим инкубатором нового общественного состояния¹⁰.

Я полагаю, что ключом к пониманию эпохи мировых социальных экспериментов является знание о закономерностях функционирования революционной идеологии, потому что в истории выстраивания партийной идеологии, как в зеркале, отразилась вся последующая тоталитарная перспектива. «Партии, которая объявила себя авангардной, а затем достигла государственной власти, не остается ничего другого, как быть диктаторской партией» (Валлерстайн 2001: 376).

¹⁰ Можно называть его коммунизмом, социализмом или «неправильным социализмом» и «ненастоящим коммунизмом», наша личная оценка сейчас не имеет значения.

Идеологию партии большевиков, концентрированное содержание которой обнаруживается уже в материалах первых подпольных съездов, насквозь пронизывала одна неизменная целевая константа – непримиримая борьба с правительством и готовность к смертельной схватке с любыми силами, препятствующими власти большевиков над постреволюционным будущим. Большевики никогда не интересовал «старый режим» – его опыт, принципы организации и нормативные ценности. Они стремились к полному социальному перестроению – к тотальному эксперименту с новым способом жизни. Масштабы влияния этого проекта были еще неизвестны человечеству. Полагаю, что и партия также не очень внятно предполагала его последствия.

Идеология большевиков постулировала революционный постфактум четче и рельефнее, чем невнятный план действий в непосредственной революционной борьбе, которая зачастую ограничивалась незначительными проектами: от политического прожектёрства до банального бандитизма экспроприаций.

Такая форма политического сознания – революционность, нацеленная за горизонт текущих событий, – действительно граничит с некой маниакальностью, но именно этот политический азарт и авантюризм идеологии позволили вырастить «профессиональных мечтателей», за которых можно ручаться, что «они не побоятся никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели» (Ленин 1970: 391, 392).

Партия большевиков на протяжении всей истории революции находилась как бы на запасном пути. Большевики оказались резервным батальоном восстания. Однако к концу 1917 г. в момент затухания широкой народной революции решительная и мобильная партия продемонстрировала организационные преимущества перед массовыми (и потому инертными) общественными движениями.

В самый важный момент – перед наступающей зимой 1917–1918 гг. – из байпаса революции на передний фронт событий вышла гибкая, решительная революционная сила, организационные навыки которой позволили большевикам закрепиться в революции ее организационным штабом, навязывая всем ее участникам свою идеологию «Нового мира». Идеологическая радиация большевизма попитала русский бунт в политически разряженной стадии рево-

люции, когда вопрос подвоза хлеба в крупные города оказался важнее любой политики. К концу 1917 г. образовался вакуум революции, вызванный общей усталостью масс от разрушительных, бесцельных и разрозненных актов бунта¹¹. Энтропии массового революционного энтузиазма способствовали неразбериха и начинающийся голод. Тогда-то на место разваливающихся, спонтанно самоорганизующихся в течение всего года полюсов революции пришла свежая сила. Большевики взяли власть в ночь на 25 октября практически бескровно (Голдстоун 2015: 109) и смогли организовать управление в нескольких крупных городах – банальный подвоз продовольствия.

Не вдаваясь в подробности, предположу, что упусти большевики свой шанс закрепиться сначала неким зимним секретариатом революции, а потом центральным штабом всей революции, то уже весной 1918 г. они были бы сметены или поглощены новыми силами. А в истории Русской революции осталось бы несколько строчек о большевистской зиме «нового смутного времени». Л. Д. Троцкий напишет в своих воспоминаниях «О Ленине»: «В последнее время можно слышать мнение о том, что если бы мы не взяли власть в октябре, то это случилось бы через два-три месяца. Величайшее заблуждение! Если бы мы не взяли власть в октябре, мы ее не взяли бы никогда» (цит. по: Мерло-Понти 2001: 312).

Партия не тратила время и силы на «мирный коммунизм». Большевикам недостаточно было взять власть, ее нужно было завоевывать вновь и вновь. Политической силе необходимо было поставить воспроизводство победы революции на внутривнутриполитический конвейер, чтобы имплантировать свою мысль о победе в сознание масс. Именно для этого, решая проблемы организации подвоза хлеба, одновременно создавались внутривнутриполитические «красные линии» классовой борьбы. Изъятие продовольствия в деревнях и селах вокруг городов имплицитно открывало некий децентрализованный фронт «якобинской гражданской войны» с врагами революции. Используя тактику мелких военных столкновений, отряды большевиков, сколоченные из дезертиров и бедноты, быстро

¹¹ Э. Хобсбаум полагал, что впервые «революционный вакуум» возник уже в марте 1917 г. (Хобсбаум 2004: 71).

научились систематично подавлять сопротивление. И хотя, например, у меня по-прежнему нет ответа на вопрос, была ли Гражданская война в России исторической необходимостью революции, можно с уверенностью утверждать, что внутривластное столкновение стало практическим обстоятельством победного марша идеологии военного коммунизма, прямым продуктом которой является современная история Русской социальной революции.

* * *

Вместо заключения

Зачем нужны политфилософские эскизы¹² Русской революции? Политико-философская рефлексия не проясняет эмпирику предмета, она не оценивает благо или зло революции для страны. Она недостаточно учитывает социологию того времени и в целом игнорирует всевозможные контексты объективной истины.

Единственным критерием, определяющим жанр политфилософской картины событий, является ангажированный ею метод, а поскольку в данном случае им является идеология, то это означает, что политфилософская рефлексия (в отличие от политической науки) – это обращение. Если предметом рефлексии выступает социальная революция, то данное обращение – артикуляция из революционной перспективы к статус-кво; сказав это, можно перейти к выводам.

Можно ли остановить идеальную революцию? Нет, у революции нет локализованного тела, движению которого можно было бы воспрепятствовать. Революционная идеология, как улыбка Чеширского Кота, является чистой кинематикой альтернативного времени, которая, как скрученная пружина, распрямившись из подполья, взорвет любую социальную надстройку провластного статус-кво. Признаком надвигающегося идеального шторма революции является экстенсивное распространение идеологии политической стабильности. Напомню, что революция – это качество, а не количество, поэтому телом настоящей революции является все общество.

Базисом общественного статус-кво является справедливый правовой фундамент политической системы. Если в подполье зарождается революционное движение, то рано или поздно зашатается и

¹² Я использую данный термин в логике М. де Кондорсе.

рухнет все здание страны. Чтобы не допустить зарождения активного революционного подполья, необходимо обеспечить правовые способы получения власти политической оппозицией. Легальная оппозиция – это всегда не революционеры (даже если они так себя называют), но именно недоступность власти для легальной оппозиции порождает революционное сознание настоящих революционеров-подпольщиков.

Подлинно революционное сознание – это непрогнозируемая (по содержанию) мутация части общественного сознания – мерцательный продукт общественного восприятия личности революционера. Направление революционной модификации сопротивления (классового, этнического, религиозного и т. д.) непредсказуемо, поскольку любые общественные перспективы потенциально революционны, если власть загоняет их в подполье.

У революции есть свой путь, который становится различным из будущего, но нет навигатора, прокладывающего дорогу в настоящем – по зигзагам ее максималистских крайностей. Как скажет Славой Жижек в своих «Размышлениях в красном цвете», чтобы больше узнать о победе коммунистической революции, нужно больше узнать о революционном альпинизме, который позволил Ленину и его революции покорить множество очень разных вершин, всякий раз спускаясь к их подножиям (Жижек 2011: 338).

Библиография

- Андерсон П. 1991. *Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма*. М.: Интер-Версо.
- Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.
- Бадью А. 2004. Единица делится надвое. *Синий диван* 5: 74–86.
- Бродель Ф. 2008. *Грамматика цивилизаций*. М.: Весь Мир.
- Валлерстайн И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга.
- Голдстоун Дж. А. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Грамши А. 1960. *Дань истории: Статьи из «Ордине нуово»*. М.: Госполитиздат.

- Ерохов И. А. 2016.** Революция, которая никогда не повторится. *Полис. Политические исследования* 6: 159–172. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.11>.
- Жижек С. 2011.** *Размышления в красном цвете*. М.: Европа.
- Камю А. 1990.** *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. М.: Политиздат.
- Капустин Б. Г. 2010.** *Критика политической философии: Избранные эссе*. М.: Территория будущего.
- Ленин В. И. 1970.** Лучше меньше, да лучше. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 45 (с. 389–406). М.: Политиздат.
- Манхейм К. 1994.** *Диагноз нашего времени*. М.: Юристъ.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955.** Манифест Коммунистической партии. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 4 (с. 419–459). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Мерло-Понти М. 2001.** *Знаки*. М.: Искусство.
- Пантин И. К. 2015.** *Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика*. М.: Летний сад.
- Сорель Ж. 2013.** *Размышления о насилии*. М.: Фаланстер.
- Флад К. 2004.** *Политический миф. Теоретическое исследование*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хабермас Ю. 2005.** *Политические работы*. М.: Праксис.
- Хобсбаум Э. 2004.** *Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991)*. М.: Независимая газета.
- Шпенглер О. 2014.** *Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории*. М.: Альфа-книга.